

Четвёртая тётушка усмехнулась:

— Ну и что в этом такого? Будем считать каждый по-своему. Юмин, ты сам сказал, что Цзуннянь старше тебя. Если ты не торопишься, почему другим нельзя?

Тань Юмин лениво откинулся на спинку стула. Положив руку на край, он с недоброй улыбкой посмотрел на Шэнь Цзунняня:

— О, так ты торопишься?

Шэнь Цзуннянь проигнорировал его язвительность и обратился к старшим:

— Тётушка, я пока не думал об этом.

— Вы, молодёжь, не торопитесь, а вот старшему брату с невесткой впору заволноваться, — со смехом добавила третья тётушка. — Цзуннянь столько лет в нашей семье. Даже Цзуи уже помолвлена, а у старшего брата всё неопределённо. Если об этом узнают, подумают, что наша семья о нём не заботится.

Шэнь Чжунван перед смертью доверил сына близкому другу. Семья Тань должна была относиться к нему как к родному. Это было прямым давлением на Тань Чжуншаня и Гуань Кэчжи. Дети могли не придавать этому значения, но взрослые обязаны были соблюсти приличия. У Шэнь Цзунняня не осталось старших родственников, которые могли бы решить его судьбу, поэтому семья Тань должна была взять эту ответственность на себя.

Тань Юмин с безразличным видом взял тёплое полотенце и вытер руки. Затем он отчеканил:

— Шэнь Цзуннянь не женится на девушках из семьи Тань.

В столовой воцарилась тишина. Тань Цичжэн нахмурился, Тань Цзуи вытаращила глаза. Тётушки замерли в шоке и недоумении. Старик Тань и Гао Шухун, будучи старыми лисами, прикинулись дурачками и не проронили ни слова. Даже Тань Чжуншань и Гуань Кэчжи переглянулись.

Это было сказано полушутливым тоном, но прозвучало как окончательное решение. Тань Цичжэн впервые по-настоящему присмотрелся к племяннику. Юмин всегда казался покладистым, но теперь в нём чувствовались необъяснимая твёрдость и властность.

Тань Юмину было плевать на собственную женитьбу. Но в делах Шэнь Цзунняня он был деспотичен. Казалось, именно в этот момент Юмин превратился из простого наследника в истинного главу клана.

— Все и так следят за нами. Если мы начнём сводничать внутри семьи, нас обвинят в попытке прибрать к рукам чужое наследство. Семья Тань не может взять на себя такой позор.

Слова были грубыми и резкими. Четвёртая тётушка смущённо пробормотала:

— А если это будет любовь? Тогда это станет двойной радостью.

— Вот именно! Чувства у молодых могут вспыхнуть со временем. Цзуннянь знаком с нашими девочками с детства. В старину это называли бы «играми детства среди слив и бамбуковых лошадок».

Тань Юмина словно укололи. Он уже собирался вспыхнуть, но Шэнь Цзуннянь под столом крепко сжал его руку, перебивая:

— Тётушка, сёстры Юмина — это и мои сёстры.

Такой отказ был слишком мягким. Тань Юмин остался недоволен. Он попытался вырвать руку, но Шэнь Цзуннянь вцепился мёртвой хваткой, прижав её к своему бедру. Это было и ограничение, и утешение.

— Так будет всегда.

После этих слов спорить стало неудобно. Гости перешли на другие темы. Атмосфера была натянутой, поэтому ужин быстро закончился. Ни у кого не было настроения пускать лотосовые фонарики. Шэнь Цзуннянь пошёл провожать гостей, заглаживая неловкость.

Старик Тань с супругой уехали в загородную резиденцию. Тань Долэ тоже отправилась домой с Тань Юйлинь. Девочка надела свой рюкзачок и с тоской оглядывалась назад.

Гора Баоцзин внезапно опустела. Когда Шэнь Цзуннянь вернулся в главный зал, из кабинета донеслись голоса Тань Чжуншаня и Тань Юмина. Они не кричали, но оба были на взводе.

— Даже мы с матерью не можем решать его судьбу! По какому праву ты ставишь точку в этом вопросе?

Тань Чжуншань прощал сыну нарушение традиций и изменение правил обряда. То, что нынешнее жертвоприношение прошло не гладко, тоже было терпимо — всё случается впервые. В свои двадцать лет он сам вряд ли справился бы лучше сына. Но это дело было особенным.

Отец строго предупредил Юмина:

— Старик Шэнь доверил Цзунняня твоему деду и бабушке! Имеешь ли ты право голоса?

— Разве я не прав? Они видят в нём лакомый кусок. Пользуются долгом благодарности, чтобы принудить к браку.

Тяжесть после ужина давила на желудок. Тань Юмину казалось, что выпитая супница подступила к самому горлу. Снова появилось это забытое чувство — слабые разряды тока от желудка к самому сердцу.

— Старшая сестра только развелась, а ему уже ищут замену. Ты думаешь, это политический брак?

Тань Чжуншань нахмурился:

— Ты так нас всех воспринимаешь? Нас с матерью, деда с бабушкой? Мы никогда не дадим Цзунняня в обиду и не заставим его делать то, чего он не хочет. Но мы должны слышать его мысли и его мнение. А не твоё вечное самоуправство!

— Ты думал о том, какое положение занимаешь? К чему приведут твои слова? Как люди теперь посмотрят на Цзунняня?

— И не надо говорить, что он сам отказался. Он просто пляшет под твою дудку!

— Цзуннянь с детства тебе во всём потакал и уступал. Но ты не должен переходить границы! У тебя совсем не осталось чувства меры.

— Кто он для тебя? Какое у тебя право распоряжаться его жизнью?

— Мне давно следовало это сказать. Ты привык, что он беспрекословно подчиняется и приходит по первому зову. Раньше я не исправил в тебе эту дурную черту, и теперь она стала только хуже.

— Цзуннянь — независимый человек. У него своя жизнь и свои планы. Он не твоя собственность! Он не может и не должен жить только ради твоих прихотей. Тань Юмин, ты не имеешь права быть таким деспотом!

Тань Юмин застыл. Лицо оставалось спокойным, но внутри бушевал шторм.

Не имеет права? Почему это не имеет?

— К тому же, — Тань Чжуншань сурово посмотрел сыну в глаза, — откуда тебе знать, что он

терпит тебя не из-за того самого «долга благодарности»? Своим поведением ты ничем не отличаешься от тех, кого критикуешь. Сегодня ты поставил его в по-настоящему трудное положение.

— Грох!

Шэнь Цзуннянь распахнул дверь. Увидев опрокинутую чашку, он сразу понял: у Тань Юмина начался приступ.

Тань Чжуншань с удивлением посмотрел на сына. Он не заметил дрожащего мизинца Юмина, лишь недоумевал, почему тот стал таким несдержанным в последнее время.

Шэнь Цзуннянь не мог раскрыть истинную причину. Он подошёл и схватил Тань Юмина за руку — одновременно успокаивая и скрывая его дрожь.

— Дядя Тань, простите. Это я попросил Юмина отказать им, потому что у меня сейчас нет желания заводить семью. Пожалуйста, не вините его. Мы пойдём, поговорим наедине.

Тань Чжуншань в недоумении смотрел, как один сын уводит другого.

Ночной пруд без праздничных огней выглядел уныло. Горный ветер превращал аромат османтуса в холодное благоухание.

Тань Юмин вырвал руку и зашагал вперёд. Шэнь Цзуннянь снова перехватил его запястье. Его тёмный взгляд скользнул по лицу и рукам Юмина.

— Где болит? — спросил он.

Тань Юмин с силой оттолкнул его, глаза его яростно сверкнули:

— Что, ещё не вошёл в нашу семью, а уже хочешь мной командовать?

Его руки и плечи дрожали. Эмоции зашкаливали. Шэнь Цзуннянь легко усмирил его и холодно спросил:

— Тебе холодно?

Тань Юмин схватил его за воротник:

— Да пошёл ты...

— Тань Юмин, — Шэнь Цзуннянь сжал его с огромной силой. Его чёрные глаза словно затягивали в бездну. — Я знаю, чего ты боишься.

Тань Юмин замер. Он сам не знал, чего боится. Неужели Шэнь Цзуннянь знает?

Длинная галерея была пуста — слуги ушли праздновать. Фонарики в форме лотосов под крышей горели неровно. Шэнь Цзуннянь смотрел на него без тени эмоций, с предельной рассудочностью:

— Я не вступлю в брак по расчёту. Того, о чём ты беспокоишься, никогда не случится.

Тань Юмин нахмурился, вглядываясь в его лицо, пытаясь понять, можно ли верить этим словам.

Шэнь Цзуннянь и не подозревал, что Тань Юмин сейчас стоит на самом краю хаоса и прозрения. Граница между светом и тенью была зыбкой. Юмин был в смятении, он блуждал в потёмках, но ещё пара шагов — и он увидит выход.

Однако Шэнь Цзуннянь принимал это состояние лишь за страх разлуки и симптомы болезни. Он считал это проявлением психического расстройства, а не любовью или страстью.

— Я не покину семью Тань. И не покину тебя. Я не сделаю ничего, что тебе не по душе, — эти слова преданности, сказанные бесстрастным тоном, звучали как нерушимая клятва.

Даже Тань Юмин вздрогнул в душе:

— Почему?

— Разве ты не хотел, чтобы я был на твоей стороне?

Шэнь Цзуннянь не отрывал взгляда от Юмина. Он был похож на посланника из подземного мира, который пришёл забрать его душу, чтобы связать их навечно.

— Я сказал, что отныне всё будет так, как ты захочешь. Мы будем делать только то, что решишь ты.

Эти слова успокоили и польстили Тань Юмину. Тело расслабилось. Но внутри всё равно что-то было не так. В сердце всё ещё тлел гнев.

— Я что, заставляю тебя? Если не хочешь...

— Ты не заставляешь. Я сам этого хочу.

Тань Юмин получил обещание, но в душе всё равно зияла пустота. Он хотел этого, но в то же время желал чего-то большего. Он не мог ухватить суть своего желания, поэтому рядом с Шэнь Цзуннянем всегда чувствовал себя обиженным и вечно жаждущим.

— Шэнь Цзуннянь, ты мой должник.

— Да.

Тань Юмину этого было мало. Не находя нужных слов, он зло бросил:

— Ты вечно будешь мне должен!

— Я всё верну. А теперь пойдём в комнату, — Шэнь Цзуннянь говорил слова верности, но действовал властно. Он вёл его за собой, не допуская возражений.

В комнате слуги тоже поставили праздничные фонарики. Заметив ту самую простыню, которую Шэнь Цзуннянь как-то умудрился незаметно принести сюда, Тань Юмин запнулся. В голове воцарился беспорядок, мысли путались, словно в лихорадке. Он сердито обернулся к Шэнь Цзунняню.

Тот смотрел на него с беспокойством — взгляд был чистым и открытым. Это разозлило Юмина ещё сильнее.

Их взгляды скрестились, как неровное пламя в фонарях. Этот тёмный огонь, казалось, перекинулся из глаз Тань Юмина прямо в его сердце. Смутные, мятежные чувства готовы были вот-вот прорваться наружу. Но вдруг зазвонил телефон, прерывая эту невыносимую тишину.

Тань Юмин мгновенно пришёл в себя и ответил на звонок.

Через мгновение он серьёзно нахмурился и посмотрел на Шэнь Цзунняня:

— Документы пришли. Нам нужно немедленно найти Ван Сыминь.

Они переглянулись. Оба поняли: ситуация изменилась. Впереди их ждал либо новый кризис, либо решающий шанс.